

УДК 316.346.2 – 055.2
ББК 60.542.2
Ш 22

Н.А. Шаожева,

старший научный сотрудник отдела этнополитических исследований КБНЦ РАН, кандидат исторических наук, E-mail: Disana05@mail.ru

Ценностные критерии современных гендерных комплексов (Рецензирована)

Аннотация. В статье дается анализ современных форм субстратной женской активности; модернизационные моменты гендерных базовых комплексов; обозначаются деструктивные изменения в самих гендерных системах, которые приводят к формированию особого типа женской социальной активности.

Ключевые слова: стратегия, коммуникация, гендерная адаптация, женская активность, идеология, политика, социальный заказ.

N.A. Shaozheva,

Candidate of Historical Sciences, Senior Scientist of Department of Ethnopolitical Researches at the Kabardian-Balkarian Scientific Center, the Russian Academy of Sciences, E-mail: Disana05@mail.ru

Value criteria for modern gender complexes

Abstract. The paper provides an analysis of modern forms of substrate female activities and examines modernization of gender base complexes and destructive changes in gender systems which lead to formation of special type of female social activity.

Keywords: strategy, communications, gender adaptation, female activity, ideology, a policy, the social order.

Трансформация содержания основных элементов личностно-гендерных и гендерных групп фактически зависят, прежде всего, от эволюционных процессов внутри гендерных соотношений. Эмпирические наблюдения [1] свидетельствуют о весьма слабо проявляющейся амбивалентности ценностного сознания членов гендерных групп, в структуре которого представлены в основном традиционные концепты, в частности, в ценностное ядро вошли такие понятия, как «здоровье», «семейное благополучие», «благосостояние», «личная свобода», «внутрисемейные взаимоотношения» (повторимся – описывается гендерная группа, взятая вне своего этнического содержания).

Одновременно с этим модернизационные моменты гендерных базовых комплексов, отражающиеся на их функциональных ориентациях, фактически не сказываются на росте современных инструментальных ценностей (решительность, готовность пренебречь нормами общежития, ненормативная целеустремленность, предприимчивость, и т.д.).

Подчеркнем, что ценностные доминанты современных гендерных базовых комплексов как одной из важнейших их характеристик недвусмысленно являются гегемонией традиционных форм социального взаимодействия, не допускающих компромиссов по отношению к членам своих групп.

Даже в такой общественно ориентированной сфере, как социальные

перспективы личности, базовые гендерные комплексы весьма консервативны, что находит свое отражение в представлениях о факторах жизненного успеха, главенствующее значение среди которых имеют представления о собственном интеллекте и способностях.

Иначе говоря, современный ценностный дискурс, присущий мотивации социализационных и адаптивного секторов гендерных систем, весьма малозаметен, члены традиционных гендерных групп практически не задумываются о будущей деятельности, желании, о необходимости обеспечить себе профессиональную карьеру [2].

В гендерных группах практически не уделяется внимание мотивам и реальной структуре форм досуга, причем последние, прежде всего, реализуют рекреативные по отношению к морально-этической составляющей группового взаимодействия функции, основываясь в подавляющем большинстве случаев на традиционных пассивных формах досуга.

Кстати, закрытость, «камерность» гендерных базовых комплексов, ориентированных лишь на адаптивные стороны формирования личности – морально-этическая мотивация в их составе служит своеобразным посредническим звеном в «большой мир», ибо мораль и этика не имеют возрастных стратификационных параметров – становится причиной инфантилизма личности.

Анализ эмоциональных составляющих субъективного мира членов подобных групп, находящихся в периоде перехода к самостоятельному существованию, характеризуется распространением тревожных настроений в их значительной части, что обусловлено их зависимым материальным положением и неопределенностью перспектив социализации и адаптации вне морально-этического поля.

Это выявлено путем анкетирования – оценки молодых людей, проживающих в городах, касающиеся успешности собственной жизни, весьма показательны: только каждый пятый респондент подчеркнул, что его жизнь вполне удалась.

Этот параметр, к слову, также не является презентатом социального порядка. Базовые гендерные комплексы в качестве обязательной составляющей несут определённую сумму ожиданий, связанных с материально-бытовыми условиями жизни и социальным статусом лидеров гендерных групп. В соответствии с этими ожиданиями, а отнюдь не в рамках реального положения экономической среды и ведут себя члены гендерных групп. Так, по Кабардино-Балкарии большинство современного студенчества принадлежит к обеспеченным слоям населения (60% опрошенных в целом по вузам, 52% в КБГУ – данные за 2009 год). Наиболее высокий материальный уровень наблюдается среди студентов, учащихся на бюджетных местах по престижным и особо престижным специальностям.

Данные экспертных и анкетных опросов свидетельствуют о связи материального положения студентов с их дополнительной занятостью (подработкой): больше всего тех, кто подрабатывает, среди обеспеченных студентов, среди тех, кто отнес себя к малообеспеченным слоям населения, около половины даже не задумываются о возможности дополнительного заработка. Выводы, которые можно сделать, исходя из этих фактов, неутешительны – в настоящее время наблюдается явный разрыв между потенциалом, направленностью семейного воспитания и возможностью общественных структур, ответственных за формирование личности. Во всяком случае, система высшего образования никоим образом не нивелирует разницу между мотивационными и целевыми установками молодых людей, полученными ими в пределах семьи, а лишь углубляет ее. Сказанное подтверждает аналогичная картина, наблюдаемая в системе школьного воспитания – естественно, с поправками на возраст опрашиваемых [3].

Таким образом, лишенная универсума морально-этической компоненты, система

гендерного формирования личности изначально закладывает в детях основы будущего разностатусного самоощущения, а альтернативные структуры воспитания, начиная с общеобразовательной школы, радикализируют и усиливают эту дифференциацию.

Вторым основным содержанием базовых гендерных комплексов без этнического обозначения видятся стратегия и тактика коммуникации. Это также адаптивные составляющие индивидуального сознания личности, но уже подразумевающие существование личности в границах дихотомии «свой-чужие», а потому – не всегда акцентированные на лояльность.

В соответствии с разбивкой возможной коммуникации по векторам указанной дихотомии, гендерный базовый комплекс предусматривает различные модели общения - конфликтные, подчинения, кооперативные, доминации.

Понятно, что большинство представителей старшего поколения в гендерных группах исповедуют традиционные стратегии коммуникации, с соответствующими элементами авторитарного принуждения и трансляции. Компоненты кооперативных моделей, ориентированных на сотрудничество представителей различных поколений, свойственны не более, чем трети гендерных групп. Между тем вероятные адресаты трансляции ее не воспринимают – во всяком случае, в той полноте объема, которая видится желательной для представителей старшего поколения. В этих условиях весь генерационный потенциал гендерных базисных систем сосредоточивается на стратегиях неравноправных коммуникаций.

И хотя мы можем с полной уверенностью говорить о том, что доброжелательность во внутрисемейных отношениях до сих пор является нормой, определенная доля членов гендерных групп ощущает себя в конфликтной среде.

Традиционные этнические гендерные группы на Северном Кавказе в своих внутренних взаимосвязях не были ориентированы на эскортирование своих членов после выхода из их состава. (В первоначальном виде это реализовывалось, как уже говорилось, в таких крайних формах, как воспитание в рамках института атальчества.). В остаточной форме этот комплекс методов формирования личности привел к весьма проблемной ситуации. По сей день значительная часть представителей старших поколений в составе гендерных групп не склонна прислушиваться к предложениям, пожеланиям членов младшей страты, к выработке консенсусных решений.

При наблюдающейся маргинализации этнических сообществ, отсутствии морально-этических императивов данный стиль поведения вызывает недовольство младших представителей, что опять-таки приводит к гипертрофизации конфликтных стереотипов в базовых гендерных комплексах.

Происходит, таким образом, тотальная переориентация систем гендерной адаптации. Этнически не маркированные гендерные системы продуцируют гендерные базовые комплексы с суммой компонентов внешнего действия, обращенных либо к адаптивным технологиям, приобретающим в отсутствии морально-этических пределов функции и признаки сугубой целесообразности, либо формируют во многом изначально конфликтные модели поведения. Ясно, что сдвиг в ценностных ориентациях членов гендерных групп, объективных условий их жизнедеятельности, взаимодействия со старшими поколениями приобретают, вернее – могут приобрести, – в условиях маргинализации традиционных этнических сообществ катастрофический характер [4].

Самым неприятным видится то, что формы субстратной женской активности в среде деструкции традиционных этнических ценностей также претерпевают определенные негативные изменения.

Любой период кардинальных изменений в общественной жизни в смысле функционирования гендерных комплексов и видов субстратной женской активности

можно рассматривать как процесс интенсивного институционального формообразования, генезиса новых вариантов организации гендерных отношений. Одной из составляющих новых явлений видится активный взаимный обмен концептуальной информацией между ранее изолированными гендерными системами, что, в принципе, обусловлено необходимостью расширения набора адаптивных стандартов в условиях новых параметров социальной среды. В связи с этим женская субстратная активность все более и более концентрируется на усвоение этих стандартов, морально-этические компоненты же базовых гендерных комплексов, ввиду своей ортодоксальности и вневременной стабильности заметно сужают пространство своего бытования. Попросту говоря, они не могут адекватно реагировать на изменения, происходящие вне и внутри гендера [5].

В разнополярной этико-эстетической среде, при постоянных подвижках этого фона, гендерные институты субстратной женской активности переориентируются на такие адаптивные инструменты и методы, как индивидуальный подход, учет возрастных и личностных особенностей каждого члена гендерной группы; уменьшение стресс-факторов при переходе его из одного возрастного статуса в другой, внесение корректив в зависимости от актуальных экономических и идеологических требований общества, обеспечение эскортного сопровождения для выходящих из состава групп членов, протезирование их социальных предпочтений – все, конечной своей целью имеющее формирование личности, способной к мобильному маневрированию в современном социуме без учета ограничивающего влияния моральных императивов.

Последние вообще могут восприниматься как факторы, которые мешают эффективной адаптивной деятельности гендерных систем в сегодняшних социально-экономических условиях; сложных и специфических процессах, сопровождающихся формированием доминант экономического и статусно-социального плана.

Необходимо признать, что современные формы субстратной женской активности, утерев функции этнической идентификации, в значительной мере социализировались, потенциал их воздействия все менее и менее направлен на внутрисемейные взаимоотношения. Соответственно базовые гендерные комплексы подразумевают в структуре личности наличие тех составляющих, которые в наиболее полной мере отвечают требованиям времени, социальным его заказам.

При современных условиях становление такой личности предусматривает индивидуально ориентированное воздействие, направленное на развитие тех сторон человека, которые помогут ему не столько взаимодействовать с миром культурных ценностей, но скорее будут содействовать развитию его специфичности и, соответственно, скорейшему нахождению его жизненной ниши. В то же время, личностно ориентированное гендерное воздействие не может осуществляться на основе гуманизации и морализации, ибо этика и мораль – понятия универсальные и всеобъемлющие, игнорирующие индивидуальные качества.

Иначе говоря, адаптивные, социализирующие составляющие базовых гендерных комплексов входят в видимое противоречие с морально-этическими и культурно-трансляционными – по крайней мере, в условиях деэтнизации гендера в целом. На базе данных, по сути – гендерных – противоречий, формируются узлы оппозиционных корреляций современного общества.

Вступление гендерных систем традиционных этнических сообществ Северного Кавказа в четвертую фазу своего развития во многом характеризуется именно этими обстоятельствами.

В условиях трансформационных изменений конца XX столетия скорости этих изменений, социальная среда ставила перед адаптивными составляющими гендерных систем задачи того уровня жизненной насыщенности, который не мог получить

адекватного ответа в морально-этической компоненте – хотя бы в силу ее значительной инерционности и естественного консерватизма. Явления, имевшие место в национальной среде региона, можно охарактеризовать, с точки зрения гендерного состояния, как переход базисных гендерных комплексов в позицию дезинтегрированности – вне зависимости от степени их маргинализированности или этнической сохранности. Проще говоря, сугубо адаптивной направленности гендерных базисных комплексов маргинального толка соответствовали этнически обозначенные гендерные комплексы, в которых, однако, сегменты морально-этического плана и социализационного были разведены по концептуальным полям «свой»-«чужой». Внутрисемейное существование, так же как и национальное (а чуть позже – конфессиональное), четко отграничилось от социального бытия, в котором для носителей базовых гендерных комплексов нормы и стандарты морали уже практически не имели значения.

По всей видимости, это – неизбежный процесс унифицирования традиционных сообществ, все более и более проявляющийся по ходу развития цивилизации и реализующийся в виде постепенной замены этических регуляторов нормативно-правовыми. Однако для этнических сообществ Северного Кавказа – региона с весьма жесткой системой национальных представлений о нормах социального бытия – ситуация оказалась отягощенной катастрофическими подвижками в области трансляционных взаимоотношений, особенно заметных на фоне упорядоченной вертикали акцентированного патернализма, потерявшего свою значимость в течение крайне сжатых сроков.

Неизбежно сформировалось главное противоречие маргинальных обществ – поколенное, являющееся частным проявлением еще более глубокого противоречия между жесткой социальной средой и этически детерминированной системой взаимоотношений.

Восприятие субъектом социального пространства иного субъекта лишь в качестве социального контрагента, с позиций чистой целесообразности, закономерным образом проецируется на внутрисемейные отношения и характеристики базовых гендерных комплексов. Тенденции реформирования коммуникативного транспоколенного взаимодействия приобретают необратимый, фатальный характер.

Данные эмпирических исследований, проведенных в 90-х годах прошлого века в Кабардино-Балкарской Республике говорят о том, что мы наблюдаем четкий разрыв между целевыми установками представителей различных поколений. Различная онтологическая направленность поведения и мотивации сводит на нет возможности перспективы коммуникативного взаимодействия. При этом гендерные системы – жесткие в своем отношении к социуму и изменениям внешней среды, но весьма толерантные в своем внутреннем функционировании – начинают воспринимать дисфункции трансляционного плана в качестве нормы [6].

Результатом этого является то, что различные структурные элементы гендерных систем ориентируются в своем функционировании на разные цели и принципы мотивации. Это еще больше разобщает субъекты семейного и далее – национального – пространства, уменьшает возможности их коммуникативного взаимодействия.

То есть современные формы субстратной женской активности, реализующиеся, прежде всего в процессах становления базовых гендерных комплексов изначально институируют жесткие оппозиционные корреляции, переходящие в еще более агрессивных формах на понятия и феномены социокультурной среды.

Результаты социологических исследований свидетельствуют, что на сегодняшний день у представителей разных поколенных страт отсутствует даже потребность в коммуникативном взаимодействии. Ожидания молодых членов

гендерных систем локализуются в области эскортных сугубо социальных функций, старшие их представители, в силу родственно-генетических факторов, вынуждены принимать социальные успехи своих детей и внуков в качестве удовлетворяющего сублимата результатов их педагогических усилий.

Субстратные формы женской социальной активности на современном этапе развития традиционных этнических сообществ в целом, на Северном Кавказе – в частности – становятся генерационной базой нескольких негативных процессов.

Во-первых, они поддерживают и в значительной степени инициируют тотальную подмену комплекса морально-этических и социализационных составляющих базовых гендерных систем сугубо социализационными. Закономерно, во-вторых, через их посредство происходит трансляция этой подмены из семейных групп в общее пространство социума. В третьих, и, с точки зрения наращивания конфликтного потенциала общества, это самое главное – именно гендер, его системы традиционных этнических сообществ, в условиях резких социальных трансформаций продуцируют и актуализируют мировоззренческую дуальность, реализованную в концептах «свой»-«чужой».

В устойчивых маргинализированных обществах подобные функции гендерных систем легитимизированы. Ввиду этого ресурсы женской социальной активности реализуются в рамках разработанного и детализированного правового, социального, экономического и культурного пространств. Теоретически женская социальная активность распространяется на все сферы жизни. Однако в границах традиционных сообществ, находящихся на переходных этапах развития, презентативные формы женской активности находятся в ущербном состоянии, превалируют ее субстратные виды.

Деструктивные же изменения в самих гендерных системах в этих случаях приводят к формированию особого типа женской социальной активности. Локализуясь в рамках гендера, они, тем не менее, все более и более переориентируются на адаптивные, социализационные функции. Находясь под воздействием остаточных принципов патерналистической организации общества, потенциал женской социальной активности замыкается в узком секторе внутрисемейных взаимоотношений, но внутри него векторизуется как всеобъемлющий социальный феномен. Таким образом, происходит становление особой схемы латентного воздействия гендерного фактора на все функциональные области социума. Изначально ограниченная рамками моральных и этических взаимодействий, вопросами поколенной трансляции, поведенческой и мотивационной нормативности, женская активность начинает вмешиваться во все или почти все стороны внутрисемейной и, через неё, общественной жизни. В недрах традиционных патерналистских этнических сообществ кристаллизуется особый вид детерминирования общественных явлений – секторальное женское влияние. Оно, как уже говорилось, замкнуто в рамках семьи и гендера, но приобретает особую актуальность полифункциональность и многонаправленность.

Примечания:

1. Шаожева Н.А. Развитие гендерной идентичности в традиционном обществе северокавказских народов// Известия КБНЦ РАН. 2011. № 2. С. 25-29.
2. Делокаров К. Женщина и ценности западноевропейской индустриальной цивилизации // ОНС. 2000. № 4. С. 24-35.
3. Социологическое исследование по выявлению проблем современного студенчества и подготовки кадров высшей квалификации в системе послевузовского профессионального образования, проведенное в 2002 году.

4. Бестужев-Лада И. В лабиринтах женской эмансипации: женщина как социальная проблема. М., 2000. 254 с.
5. Гендерное исследование как социально-философская проблема. М., 2000. 250 с.
6. Опросы по изучению процессов адаптации на примере жителей Кабардино-Балкарской республики, проведенные в 2007-2008 годах.

References:

1. Shaozheva N.A. The development of gender identity in a traditional society of the North Caucasian people // The news of KBNTS of the Russian Academy of Sciences. 2011. № 2. P. 25-29.
2. Delokarov K.A. A woman and the values of the West European industrial civilization // ONS. 2000. № 4. P. 24-35.
3. Sociological research on revealing the problems of modern students and high-qualified personnel training in the system of post graduate vocational training, conducted in 2002.
4. Bestuzhev-Lada I. In the labyrinths of female emancipation: a woman as a social problem. M., 2000. 254 pp.
5. Gender research as a socio-philosophical problem. M. 2000. 250 pp.
6. Polls on studying the adaptation processes on the example of the Kabardian-Balkar Republic inhabitants, carried out in 2007-2008.